

Пелам Гренвилл
ВУДЖАУС

**Дядя Фред
ВЕСЕННЕЙ ПОРОЙ**

Дядя Фред

Пелам Гренвилл Вудхаус

Дядя Фред весенней порой

«ФТМ»

«АСТ»

1939

Вудхаус П.

Дядя Фред весенней порой / П. Вудхаус — «ФТМ», «АСТ»,
1939 — (Дядя Фред)

ISBN 978-5-271-41674-3

«...– Если вы разрешите мне вставить слово, – холодно проговорила Валерия, – я сообщу вам, что пришла не для споров. Я пришла довести до вашего сведения, что помолвка наша расторгнута, о чем вы сможете прочитать завтра в «Таймс». Поведение ваше я могу объяснить только душевной болезнью. Я этого давно ждала. Возьмем вашего дядю. Абсолютно невменяем.– А твой что, лучше? – вскричал несчастный Хорес.– Какие у вас претензии к дяде Фреду?– Полный псих.– Ничего подобного.– Спроси своего брата.– Он кретин.Мартышка удивился...»

ISBN 978-5-271-41674-3

© Вудхаус П., 1939

© ФТМ, 1939

© АСТ, 1939

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Пелам Гренвилл Вудхаус Дядя Фред весенней порой¹

Глава I

Двери клуба распахнулись, и молодой человек в прекрасно сшитом костюме, спустившись по ступенькам, направился к западу. Прохожему показалось бы, что взгляд его напряжен и зорек, как у африканского охотника; показалось бы – и не зря. Мартышка Твистлтон шел к Хоресу Пендлбери-Давенпорту, чтобы занять двести фунтов.

Если вы идете к Хоресу от клуба «Трутни», вы спуститесь по Хэй-хилл, минуете Берклисквер и по Маунт-стрит, а там по Парк-лейн доберетесь до его дома. И впрямь, минут через десять Уэбстер, слуга Давенпорта, открывал Мартышке дверь.

– Пип-пип! – сказал гость. – Хозяин дома?

– Нет, сэр. На уроке танцев.

– Можно, я войду?

– Конечно, сэр. Пожалуйста, сюда. В гостиной небольшой беспорядок.

– Убираете?

– Нет, сэр. Герцог Данстабл переломал мебель кочергой.

Мы не скажем, что гость удивился; мало того – мы не скажем, что он испугался. Странности дяди Алариха нередко служили темой дружеских бесед, тем более что у Мартышки был и свой дядя, тоже странный. Рассказы о герцоге он слушал примерно так, как слушал бы Ной жалобы на легкий дождик.

– Почему?

– Мне кажется, сэр, что герцога что-то огорчило.

Мартышка решил, что это вполне возможно, и пошел в небольшую комнатку, носившую громкое имя библиотеки, где стал смотреть в окно на Парк-лейн.

Веселого там было немного. Весна, как все английские весны, не могла по глупости выбрать между нежнейшим воздуха теплом², любезным поэту, и вполне зимней прохладой. Только что все сверкало, теперь – почему-то мело, и Мартышка заскучал.

Хорес собирался жениться на его сестре, но достаточно ли этого для двух сотен? Нет, недостаточно, думал он, отходя от окна и принимаясь шагать по комнате.

Если вы шагаете по так называемой библиотеке квартиры номер 52, вы рано или поздно наткнетесь на письменный стол. Наткнувшись на него, Мартышка заметил кое-что интересное, а именно – кончик листка, торчащий из-под пресс-папье, а на нем – загадочную подпись: «Клод Плум (частный сыщик)».

Слова эти потрясли Мартышку так, словно он увидел на полу баронета с восточным кинжалом под лопаткой. Обычно он чужих писем не читал, но тут не устоял бы и рыцарь.

Прочитал он повесть, вернее – сагу о какой-то особе N. Автор, то есть частный сыщик, буквально не мог с ней расстаться.

Жила она за границей, ходила в казино, словом – была из тех, кто непрестанно ищет наслаждений. Она не помогала бедным и не размышляла о политике. Когда ей случалось презреть казино, она игр. в тенн. (11–17.00), обед, с 3 др. (2 м., 1 ж.), езд. в Монтрёй с 1 м. или посещ. рест., с 4 м., 4 ж., где задерж. до поздней ночи. Просто напрашивалось выражение «прожигает жизнь». Писал этот Плум хорошо, выразительно, но не совсем понятно, как Роберт Браунинг.

² Джеймс Томсон. «Времена года».

Мартышка стал читать в третий раз, когда во входной двери заворочался ключ, и он едва успел сунуть листок на место. Вошел высокий, но очень узкий человек. Вытянув Хореса в длину, о ширине природа забыла; и если бы его увидел Евклид, он бы шепнул приятелю: «Смотри осторожней, он обидится! Вот тебе моя прямая».

Высоко вверху было и лицо, такое приветливое, что Мартышка решился.

– Ку-ку! – заметил он не без живости.

– Привет. Про дядю слышал?

– Да. Уэбстер полагает, что он расстроился. Так это?

– Так. Он едет в деревню, хотел взять Бакстера. Это его секретарь. А тот не может. Собирает материалы для истории рода. Дядя на ней свихнулся. Кроме того, с Рикки что-то вышло. И здесь, у меня, суфле расплзлось, как больной кисель. Когда мы пили кофе, дядя сказал, что поеду я, а я не могу. Ну, тут и началось.

– Почему ты не можешь?

– У меня уроки.

– Да, я как раз хотел спросить. Что это?

– Валерия требует, чтобы я научился танцевать. Она говорит, я как верблюд с мозолями.

Мартышке этот образ понравился.

– Успехи есть?

– Вроде да. Полли берет меня завтра на бал-маскарад, оденусь бойскаутом. Хорошо бы взять и Валерию, то-то удивится!

– А разве она не в Лё Тукэ?

– Сегодня прилетает.

– Ясно. Скажи, а кто это – Полли?

– Моя учительница. Нас познакомил Рикки. Полли Плум.

Жалость пронзила Мартышку. Он пытался что-то делать в суде и очень страдал, но по сравнению с этой Полли – просто благоденствовал. Хуже всего, подумал он, что Хорес такой высокий. Его бы разделить пополам, тогда и учи.

– Плум? А она не связана с сыщиком?

– Дочь. Откуда ты его знаешь?

Мартышка смутился.

– Да так, – проговорил он, – случайно заметил бумажку...

– Я бы просил не читать моих писем.

– На что они мне? Но это не письмо, бумага какая-то. Все-таки я юрист. Могу посоветовать.

– А теперь ты скажешь Валерии!

Мартышка прозрел.

– О Господи! – воскликнул он. – Вот это что такое!

Он строго поджал губы – конечно, не слишком строго, деньги занять надо, но и не без того.

– Знаю, все знаю, – сказал Хорес, – но ты войди в положение. Туда поехал на несколько дней почти весь наш клуб. Восемьдесят семь трутней! И где? На французском курорте, с его нравами. А тут Полли говорит, что ее отец – сыщик. Можно устоять, а? Мартышка, я тебя умоляю, не проговорись Валерии! Она очень чувствительная. Лучшая из женщин, это да, но чуть что – обижается. Так не скажешь?

Мартышка все понял и простил.

– Конечно, старик, конечно. Разве я стану губить лучшего друга? Кстати, ты не мог бы... ну, это... в общем...

– Мистер Клод Плум, – доложил Уэбстер.

Мартышка полагал, что сыщиков отличают ястребиный профиль, орлиный взор и повадки леопарда, а потому удивился. У ястреба нет подбородка, тем более двух. Леопард гибок. Наконец, ни у одного орла не бывает тусклых глаз, затянутых какой-то пленкой. Бывают они у людей, скрывающих свои мысли.

Словом, сыщик оказался круглым и лысым, словно букмейкер или мелкий актер. Как ни странно, он побывал и тем и этим.

– Добрый вечер, мистер Давенпорт, – сказал он.

– Здравствуйте, мистер Плум. Когда вернулись?

– Вчера вечером. А с утра решил – пойду-ка я доложу остальное.

– Есть что-то еще?

– А то как же! Значит, когда вы освободитесь...

– Ничего, ничего. Мистер Твистлтон все знает. Он... гх... хм... брат особы N.

– Мистер Твистлтон? – оживился сыщик. – Тогда вы племянник лорда Икенхема?

– Да, он мой дядя.

– Прекрасный человек! Таких теперь нет! Старая школа.

– Да, – согласился Мартышка, немного удивляясь, – человек он хороший, только не в себе. Вы с ним знакомы?

– Еще бы! Это он дал мне деньги на контору. Ах ты, как получается! Он деньги дал, а я за племянницей слежу.

– Удивительно, – сказал Мартышка.

– Где там, просто жуть! – сказал Плум.

– Тесен мир.

– Еще как тесен.

Хоресу надоела философская беседа.

– Вы собирались сделать отчет, – напомнил он.

– И верно! Ну, дело плохо. 19 апреля, то есть вчера, особа N позавтракала в ресторане «Пикарди» с двумя женщинами, тремя мужчинами и направилась к полю, где начала игру в гольф. У четырнадцатой лунки... Вы представляете себе тамошнее поле?

– Скорее, да.

– Тогда вы знаете, что после четырнадцатой лунки игрок оказывается у домика, отделенного изгородью. Оттуда вышли двое мужчин и стали звать особу N, видимо – предлагая выпить, поскольку один держал так называемый миксер. Особа N, оставив игру, вошла в домик.

Хорес Давенпорт застонал.

– Действуя в ваших интересах, я подкрался ближе, как вдруг на мое плечо легла чья-то рука. Особа N, выглянув в окошко, сказала: «Так его, Чайник! Ходит за мной и ходит. Дай ему по голове, а Кошкинкорм позовет полицию. Пошлем на гильотину, пусть знает». У меня оставался только один выход.

– По-моему, ни одного.

– Нет, один. Во всем признаться.

Хорес страшно закричал.

– Да, – продолжал Плум. – Что ж мне, связываться с их полицией? Пока субъект по имени Чайник обзывал меня всякими словами, а субъект Кошкинкорм спрашивал, как по-французски полиция, я все рассказал. Особа N заметила, что, если я попадусь ей на глаза...

– Мисс Твистлтон! – доложил Уэбстер.

– До свидания, – сказал сыщик.

Те, кого огорчило отсутствие сходства между сыщиком и леопардом, утешились бы при виде Валерии Твистлтон. Когда она вошла в комнату, так и казалось, что обитатель джунглей приближается к добыче.

– Мерзкий червь! – сказала она, чтобы начать беседу.

– Валерия, дорогая, дай объяснить!..

– Лучше я, – предложил Мартышка.

Сестра посмотрела на него куда суровее, чем сыщик, и сказала:

– Не твое дело, кретин.

– Мое, – отвечал Мартышка. – Я не дам обижать лучшего друга. Хорошо, он послал сыщика. Так радовалась бы! Ты посмотри, как он тебя любит!

– Неужели?

– Валерия, дорогая...

Сестра обернулась к брату.

– Ты не мог бы, – спросила она, – сообщить твоему другу, что я для него не «Валерия», а уж тем более не «дорогая»? Моя фамилия – Твистлтон.

– При ней и останешься, – парировал Мартышка, – если будешь швыряться людьми. И какими! Человек, который по великой любви нанимает сыщика...

– Я не...

– И что же? Он прав! Ты вела себя как недоделанная актриса на голливудской вечеринке. Что за субъект с миксером?

– Я...

– А мужчина, с которым ты ездила в Монтрёй?

– Да, – приободрился Хорес, – что это значит?

– Если вы разрешите мне вставить слово, – холодно проговорила Валерия, – я сообщу вам, что пришла не для споров. Я пришла довести до вашего сведения, что помолвка наша расторгнута, о чем вы сможете прочитать завтра в «Таймс». Поведение ваше я могу объяснить только душевной болезнью. Я этого давно ждала. Возьмем вашего дядю. Абсолютно невменяем.

– А твой что, лучше? – вскричал несчастный Хорес.

– Какие у вас претензии к дяде Фреду?

– Полный псих.

– Ничего подобного.

– Спроси своего брата.

– Он кретин.

Мартышка удивился.

– Нельзя ли, – осведомился он, – соблюдать приличия?

– Нельзя, мы не ведем дискуссию. Я пришла сообщить мистеру Давенпорту, что...

– Значит, ты меня бросаешь? – спросил Хорес, со зловещим спокойствием протирая очки.

– Да.

– Будешь каяться.

– Нет, не буду.

– Заметь, я пушусь во все тяжкие.

– Пожалуйста!

– И погибну.

– Прошу, прошу.

– Прежде всего я пойду с Полли на маскарад.

– Бедная девушка!

– Не понял.

– Купите ей завтра костыли, это ваш долг.

Воцарилось молчание, только Хорес дышал, как дышит мужчина, если женщина перегнула палку.

– Когда ты нас оставишь, – холодно сказал он, – я ей позвоню.

Дверь хлопнула. Он пошел к телефону. Мартышка откашлялся, призывая хваленую смелость своего древнего рода.

– Вот что, старик...

– Да?

– Вот что...

– Алло! Полли?

– Вот что, Хорес...

– Минуточку. Кто-то что-то говорит. Да?

– Хорес, старик, я хотел сказать... по всяким обстоятельствам... то есть...

– Не тяни душу. Я занят.

Мартышка решил обойтись без вступления.

– Можешь одолжить двести фунтов?

– Нет.

– Вот как? Ну-ну. Тогда – пока.

И он ушел, и пошел в гараж, где держал свою машину, и сказал владельцу, чтобы тот приготовил ее к завтрашнему утру.

– Далеко едете, сэр?

– В Икенхем, – ответил Мартышка.

Ничего не поделаешь, думал он, придется все открыть дяде Фреду.

Глава II

Обработав гостиную племянника и покинув его квартиру, герцог Данстабл приободрился, доехал в кебе до Паддингтонского вокзала и поездом 2.45 отбыл в Маркет-Бландинг, расположенный в графстве Шропшир, ибо сам пригласил себя к Кларенсу, графу Эмсворту, и леди Констанс, его сестре, в древнюю обитель покоя – Бландингский замок.

Заблаговременно сообщив об этом открыткой, он особо напомнил, чтобы ему отвели спальню на первом этаже, окнами на юг, и тихий кабинет, где он мог бы работать вместе с секретарем над историей своего рода. Открытку принесли к завтраку и приняли неоднозначно.

Лорд Эмсворт очень удивился и воскликнул: «Нет, что ж это! А? Нет, что же это такое?» Он не любил герцога сорок семь лет, секретаря же его, Руперта Бакстера, надеялся не увидеть ни в этом мире, ни в будущем. Еще недавно тот служил у него, и граф относился к нему, как относится чудом исцеленный человек к страшной болезни. Конечно, теперь секретарь терзал другого, но графа это не очень утешало. Ему претила мысль о том, что они с Бакстером будут жить под одной крышей.

Зато леди Констанс была рада. Бакстер ей нравился, а в давние дни, когда мир был молод, они с герцогом позже всех возвращались домой с пикников. Ничего из этого не вышло, он еще не унаследовал титула, и старый герцог, отец, услав его за границу, чтобы Англия немного отдохнула, – но память осталась и жила до сих пор.

– Да он неделю как уехал! – протестовал лорд Эмсворт.

– Семь месяцев назад.

– А ты не можешь сказать, что у нас нет места?

– Конечно, не могу.

– Когда он был тут, – сообщил страдающий граф, – он ткнул Императрицу зонтиком.

– Знаешь что, – отвечала леди Констанс, – я не стану оскорблять старого друга из-за твоей свиньи. Отведем ему комнату окнами в сад, ему нужен первый этаж. Боится пожара.

Так и случилось, что наутро после визита к племяннику герцог проснулся в роскошной спальне на первом этаже. Сперва он полежал, глядя, как сочится свет сквозь занавеси огромных окон, выходящих прямо на лужайку; потом позвонил и велел лакею принести тостов, джема, китайского чаю, яйцо в мешочек и газету «Таймс». А через двадцать минут дворецкий Бидж передал леди Констанс, что герцог ждет ее у себя.

Она немного всполошилась. Вчера, за вечерним столом, герцог успел рассказать, как он проучил племянника, и рассказ этот произвел на нее большое впечатление. Подходя к его комнате, она боялась разрушений; но все было в порядке, и она посмотрела на гостя, облаченного в розовую пижаму, с той нежностью, с какою смотрит женщина на мужчину, шептавшего ей когда-то слова любви.

– Доброе утро, Аларих, – сказала она.

– Дбрррр. Какого черта он свистит?

– Что?

– Свистит. Какой-то тип под окном. «На берегах Лох-Ломонда»³.

– Наверное, садовник.

Герцог неопределенно хмыкнул.

Если Мартышка удивился мистеру Плуму, он удивился бы и тому, что прославленный зверствами герцог так приличен с виду. Конечно, нос – но и все. Вполне обычная лысина, водопад седых усов, голубые глаза. Старик как старик.

³ Хотя лорд Икенхем позже скажет, что эту песню сочинил Бёрнс, он ошибется, песня анонимная, ее приписывают леди Алисии Скотт, которая жила в XVI веке.

- Ты для этого меня звал?
 - Нет. Скажи шоферу, чтобы отвез меня к поезду.
 - Да ты вчера приехал!
 - А сегодня прочитал в «Таймс», что мой племянник не женится.
 - Что?!
 - То, что слышишь.
 - Почему?
 - Откуда мне знать? Для того и еду.
 - Это племянница Икенхемов?
 - Да.
 - Леди Икенхем я знаю, а его не встречала. Говорят, он эксцентричен.
 - Душевнобольной. Теперь все такие. Посмотри на Кларенса.
 - Правда, он какой-то рассеянный.
 - Еще чего! Сумасшедший. И Хорес. И Рикки. Мой тебе совет: не заводи племянников.
- Леди Констанс вздохнула:
- У меня их много, Аларих.
 - Сумасшедшие?
 - Иногда мне кажется, что да. Так странно себя ведут...
 - Куда им до моих!
 - Роналд женился на хористке.
 - Рикки пишет стихи.
 - Бошем купил на улице золотой слиток.
 - А теперь еще суп.
 - Бошем купил суп?
 - Какой Бошем! Рикки. Хочет торговать супом.
 - Торговать супом?
 - Конни, ты не горное эхо. Да, торговать супом. И еще просит, нахал, пятьсот фунтов на обзаведение. Конечно, не дам. Обижается, видите ли! Ничего, Хорес больше обидится, когда я с ним поговорю! Распорядись насчет машины.
 - Ты бы послал мистера Бакстера. Он ведь в Лондоне? Вот его и пошли.
 - Еще чего! Сумасшедший племянник, а мой. Разве я допущу, чтоб его ругал какой-то выскочка?
 - Знаю! – воскликнула леди Констанс. – Бошем собирался в Лондон. Пусть Хорес привезет его обратно.
 - Вот это дело, – похвалил герцог. – А то «Бакстер»! Да, скажи Бошему. Ну, заболтался я с тобой. Где Кларенс?
 - У свиньи.
 - Не надоело?
 - Что ты! Он по ней с ума сходит.
 - Вот именно. От нее все и пошло. Надо ее убрать, а то твой братец скажет, что он – яйцо всмятку. Кстати, пришли мне десяток яиц.
 - Ты не завтракал?
 - Завтракал.
 - Не наелся? – с натужной заботой сказала леди Констанс.
 - Наелся. Я буду их бросать. Проучу этого охламона. Ах ты, опять! Теперь поет.
 - Аларих, – мягко спросила леди Констанс, – тебе непременно нужно бросать в него яйца?
 - Да.

– Прекрасно, – сказала она и пошла уводить певца из опасной зоны, напряженно о чем-то размышляя.

Тем временем лорд Эмсворт, не зная обо всей суете, был на лужайке за огородом, у милого сердцу свиарника, где обитала прославленная Императрица, дважды получившая приз по разряду жирных свиней. Под его любящим взглядом она кончала трапезу.

Девятый граф Эмсворт легко забывал плохое. Не помня о том, что в жизнь его вернулся Бакстер, он наслаждался той совершенной радостью, которую дают нам чистая совесть, отъезд домашних, приятное общество и хорошая погода. В это утро у него не было тайн от сестры своей, Констанс, никто не мешал ему общаться с любимой свиньей, а погода стояла редкая даже для этих блаженных мест. Весна была капризной в Лондоне – но не в Блэдинге.

Одно хоть немного омрачало радость: граф знал по опыту, что такое божественное одиночество не бывает долгим. И опыт его не обманул. Кто-то зарычал, он обернулся – и увидел, как выразился бы сыщик, одного м. Гость его, герцог, шел к нему по лужайке.

– Утрррр, Кларенс.

– Доброе утро, Аларих.

Растерянный граф притворно улыбнулся. Воспитание, а точнее – непрестанные напоминания сестры (около 15 тысяч слов) внушили ему, что хозяин должен носить маску. Он старался изо всех сил не походить на загнанного оленя.

– Бошема видел?

– Нет, нет.

– Надо поговорить. Подожду здесь, перехвачу, а то уедет. Он едет в Лондон за Хоресом.

Помолвка расстроилась.

Лорд Эмсворт вроде бы помнил, что наследник его женат, и решился на это намекнуть.

– Не у него, – ответил герцог. – У Хореса.

Графу легче не стало.

– А кто это – Хорес?

– Мой племянник.

– Он женится?

– Собирался. На племяннице Икенхема.

– А кто такая...

– Его бывшая невеста.

– А кто такой...

– Ее дядя.

– О! – обрадовался граф. – Икенхем! Как же, как же. Я его знаю. Он дружит с Галахадом.

Хорошо, что он приедет.

– Откуда ты взял?

– Ты же сам сейчас...

– Ничего подобного. Это Хорес приедет.

– А кто такой...

– Я тебе только что говорил, – с привычной строгостью ответил герцог. – Мой племянник.

– А? О! Э? – сказал лорд Эмсворт. – А, племянник! Прекрасно, прекрасно. Он любит свиней? А ты, Аларих? Вот моя свинья Императрица. Кажется, ты ее видел прошлым летом.

Хозяин отошел от перил, чтобы гость разглядел ее получше. Оба помолчали: граф – благоговейно, герцог – сердито. Вынув большие очки из нагрудного кармана, он укоризненно глядел на свинью.

– Ну и вид! – сказал он наконец. – Ф-фу, мерзость!

Лорд Эмсворт страшно вздрогнул, не веря своим ушам.

– Что?

– Слишком жирная.

– Жирная?

– Да, слишком. Ты посмотри. Какой-то шар.

– Это так надо.

– Не до такой же степени!

– До такой, до такой. Она получила две медали.

– Не говори глупостей, Кларенс. Подумай сам, зачем свинье медали? Нет, тут подойдет одно слово: туша. Прямо тетя Горация. Наклонилась взять пирога – и все, крышка. Твоя свинья еще вдвое толще. Чего ты хочешь? Жрет, жрет и жрет. Ей бы на диету да пробежаться с утра.

Лорд Эмсворт отыскал пенсне, слетевшее от избытка чувств, и надел его дрожащей рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.